

Местные жители называли лес к юго-западу от Фуюки призрачным. Говорили, что там были темные духи, изгнанные храмом, который стоял на севере – или же там были призраки, или снежные феи, или монстры.

Технически они были правы насчет трех из четырех, и их можно было простить за то, что они приняли гомункула Айнцберна за снежную фею.

Но главная причина, по которой это место вызывало дискомфорт у незваных гостей – и почему никто, у кого там не было дел, никогда не заходил – заключалась в том, что на территорию Айнцберна было наложено заклинание именно с этой целью. Маги, как правило, любили работать в уединении.

Изначально Ограниченное поле служило как сдерживающим фактором, так и системой раннего предупреждения, с едва уловимым принуждением покинуть территорию, интенсивность которого возрастала по мере приближения к пограничной линии, и заклинанием отслеживания на основе поля, которое вступало в силу, как только кто-то входил. Любой, кто был способен противостоять первому, скорее всего, был врагом – поэтому, если бы они вошли, несмотря ни на что, второе предупредило бы мага Айнцберна в замке и отследило бы местоположение злоумышленника.

Были и другие ограниченные поля внутри самих лесов, ближе к замку. Они были предназначены для того, чтобы сбить с толку. Найти замок было сложнее, чем следовало бы, даже для тех, кто знал, где он находится. Неосторожные посетители обнаруживали, что безнадежно заблудились, поскольку каждый участок леса выглядел идентично следующему.

Иногда это было буквально так – алхимия Айнцберна не идеально подходила для обеспечения защитных мер, но было довольно легко изменить лес так, чтобы половина деревьев были точной копией друг друга. Даже нанесение на них меток не помогло бы, поскольку проклятие сходства гарантировало бы, что на каждом дереве будут одинаковые метки.

Это была не единственная защита, которую Айнцберны установили за более чем двести лет владения замком.

В конце концов, это была резиденция военного времени. Каждый раз, когда замок был занят, он находился в состоянии повышенной готовности. А когда этого не происходило, оборона оставалась на месте, несмотря ни на что. Айнцберны не собирались просто оставлять место широко открытым для Тосаки или Мату в перерывах между войнами.

(Неважно, что Тосака изначально помогал в строительстве замка. Пока из этого ничего не вышло, но первое, что сделал Кирицугу по прибытии, это обыскал все помещение, сверху донизу, в поисках любых подозрительных драгоценных камней, которые выглядели неуместно. Тосака были магами и, вероятно, слишком благородными или упрямыми, чтобы заглядывать так далеко вперед, но вы никогда не знали.)

Для Мастера Айнцберна с могущественным Слугой защита служила отличным способом нацелить их на врага и разнести его на куски. Сиренити и Кирицугу с таким же успехом могли бы ускользнуть от вражеских слуг и пробраться к уязвимому Хозяину – не говоря уже о том, чтобы выиграть время для возвращения Сиренити, если замок подвергнется нападению, пока она будет на разведке.

Теперь ее потребность вернуться была не такой острой. Тем не менее, Сиренити пролетела сквозь деревья, быстрая и бесшумная, как ветерок. На нее, как на Слугу Айнцбернов, защита никак не повлияла, кроме как сообщить Хозяину о ее местонахождении.

Он, конечно, уже знал. Сиренити попросила провести личную стратегическую встречу между всеми четырьмя членами команды Айнцберна, и Кирицугу согласился.

Он не спросил почему. Было ли это доверием к Сиренити? Планировал ли он что-то подобное сам? Сиренити не знала, но была рада, что ей не пришлось убеждать своего Учителя. В любом случае, Кирицугу сказал ей, где встретиться, и даже сейчас сидел в столовой, которая служила им конференц-залом, наблюдая за успехами своего Слуги ее глазами. На бегу Сиренити мельком увидела знакомых летучих мышей, которых он нанял, отслеживающих ее и прикрывающих спину на случай, если за ней последуют.

Поле Айнцберна могло бы сделать обе эти вещи, но Эмия Кирицугу был не из тех, кто полагается только на одно решение, особенно на то, которое он не придумал сам. Как и он, быть вдвойне уверенным. Как и он, убедиться, что у него был полный контроль над ситуацией, если он мог.

Это может быть проблемой.

Прибыв в замок, Сиренити проворно, как белка, перелезла через стену и влезла в окно верхнего этажа. Если бы это было обычное здание, она бы дематериализовалась, чтобы пройти сквозь стены, но по очевидным причинам Айнцберны вплели в фундамент заклинания, которые не позволяли духам просто входить, когда им заблагорассудится.

Несмотря на это, ее босые ноги не производили шума по голым каменным коридорам, и когда она вошла в столовую, только Кирицугу поднял глаза, чтобы заметить ее прибытие.

"Очень хорошо", - сказал он. "О чем ты хотел поговорить, Убийца?"

"Котоминэ Кирей".

Ирисфиль и Майя подпрыгнули, не осознавая присутствия Сиренити. Рука Майи дернулась к ножу, спрятанному за поясом, но для Сиренити это было ясно как день, прежде чем она расслабилась. Глаза Кирицугу оставались такими же бесстрастными, как всегда.

"Продолжай".

"Мастер, я не хочу критиковать или оскорблять. Я ваш слуга, и моя единственная роль - выполнять ваши приказы. Но одним из ваших приказов было сообщить вам, если у меня возникнут сомнения относительно вашего плана. Учитель, вас отвлекает Котоминэ Кирей."

"Да. Я считаю, что он представляет наибольшую угрозу для нашей победы в войне".

"Нет. Самая большая угроза нашей победе в войне - это эффект, который ты позволяешь ему оказывать на тебя".

В столовой повисла короткая напряженная тишина, и на одно короткое мгновение Сиренити испугалась, что она переступила черту. Пока длился момент, Ирисфиль беспокойно переводила взгляд с Хозяина на Слугу; Майя просто смотрела на Кирицугу. Наконец, он отвел взгляд.

"Ирисфиль, я обсуждал с тобой свои опасения в прошлом. Пожалуйста, расскажи Ассасину, почему Котомине так важен".

"Kiri..." Сказала Ирисфиль, выглядя обеспокоенной.

"Гі. Пожалуйста."

Ирисфиль изучала лицо Кирицугу, затем повернулась к Сиренити. "Я приношу извинения. Ему трудно об этом говорить, хотя он ведет себя по этому поводу довольно по-детски". Кирицугу ничего не сказал. "Из того, что я помню... это о личной истории Котомине. Он продолжал почти осваивать область знаний, а затем оставил ее в стороне, как будто это ничего не значило. Он трижды менял работу, прежде чем присоединиться к своему отцу в 8-м Причастии. Кажется, у него нет никаких амбиций, кажется, он ничего не хочет ... и все же Грааль выбрал его Мастером."

"Других Мастеров легко понять и легко предсказать. Но мы не знаем, чего хочет Котомине, какое желание он загадает на Грааль, что он сделает или не сделает для достижения этого, ничего. Он загадка, а тайны пугают Кирицугу. Именно из-за этого страха он больше всего внимания уделяет Котомине".

Сиренити кивнула. "И чего же ты боишься, Ирисфиль?"

Ирисфиль мягко улыбнулась. "Что все это было напрасно. Что я умру и покину этот мир, а мечта Кири останется нереализованной. Этот самый жестокий исход... это то, чего я боюсь. Вот почему я поддерживаю Кири".

Сиренити повернулась к Майе, которая напряглась под пристальным взглядом черепа. "А ты, Майя? Ты тоже боишься Котоминэ Кирея?"

Майя посмотрела вниз и заерзала. "Я ... я ничего не боюсь, кроме того, что не буду полезна Кирицугу. Пока я работаю бок о бок с ним, то, чего я боюсь или не боюсь, ничего не значит". Она украдкой взглянула на Кирицугу из-под волос, но он, казалось, не заметил, его холодные глаза наблюдали за своим Слугой.

Сиренити кивнула. "Я также хочу поддержать моего Учителя... устранить все препятствия, которые стоят на его пути, даже если эти препятствия он создал сам ... честно говоря, Учитель, я беспокоюсь о вас. Твой страх перед Котоминэ Киреем вызывает нерешительность, и мой страх в том, что, когда придет время, ты будешь колебаться - не откладывать, не ждать, а колебаться. Сегодня с Мастером Сабли... можете ли вы отрицать, что не смогли отдать приказ из-за неуверенности?"

Кирицугу долгое время выглядел безмятежным, затем коротко кивнул. "Я понимаю твою точку зрения. Что ты посоветуешь, Убийца?"

Это ... был более сложный вопрос. Сиренити не обладала стратегическим мышлением. Она была умна и хитра, и в тактическом искусстве убийства ей не было равных - ни в это время, ни в свое. Но ее долгосрочное планирование было ограничено управлением ее Обществом и ее деревней, а это было совсем другое дело, чем планирование войны.

Сидевшая за столом Сиренити не нашла помощи. Ирисфиль также была разумна, и в ее сущности как гомункула была закодирована совокупность знаний Айнцбернов - но в другом смысле ей было десять лет, и это был первый раз, когда она оказалась за пределами семейного дома в своей жизни.

Майя еще меньше подходила для стратегического планирования. Ее жизнь была пехотинцем, сначала в какой бы стране она ни родилась, а затем для Кирицугу. Она могла выполнять задания, и делать их хорошо, но с таким же успехом она могла сама быть гомункулом из-за того, сколько воли она проявила.

Нет. Хорошо это или плохо, но Кирицугу, должно быть, тот, кто спланировал и осуществил эту войну. Все, что остальные могли сделать, это поддержать его.

Тогда лучше сделай это.

"Котоминэ Кирей отвлекает тебя, потому что ты боишься его... следовательно, ты не тот человек, чтобы иметь с ним дело", - сказала Сиренити. "Наша единственная сила в этой войне - в приготовлениях и планах, которые мы строим... и они должны осуществляться без эмоций или благосклонности. Хотя в ваши планы входит Котоминэ, они никогда не сработают так хорошо... так что не включайте его".

"Ты хочешь, чтобы мы игнорировали его?" Ошеломленно спросила Ирисфиль. "Я... эм, Сиренити, я не уверена, что это такая уж хорошая идея ..."

"Я хочу, чтобы Мастер проигнорировал его", - сказала Сиренити. "Я хочу, чтобы он полностью выбросил Котоминэ Кирея из головы, чтобы сосредоточиться на остальных пяти Мастерах Войны. Но он не может этого сделать, пока проблема остается. Поэтому ..."

Сиренити повернулась к Майе. "Ты разберешься с Котоминэ".

Губы Майи приоткрылись от шока, и она неловко посмотрела на Кирицугу. "Я... если Кирицугу прикажет мне, то я сделаю, но... кажется, он очень хорошо спрятался, опираясь на местные знания, и ... и я недостаточно силен, чтобы сражаться с Экзекутором".

"Я недостаточно силен, чтобы сражаться с Сэйбер ... но, тем не менее, я мог бы убить их сегодня вечером. Ты работал с нашим Мастером достаточно долго... ты найдешь способ. Если потребуется, вы можете использовать меня, если я не занят чем-то другим. Но это должен быть вы, а не наш Мастер".

Майя посмотрела на Кирицугу. "Тогда... Кирицугу, это твоя воля?"

Кирицугу потер глаза. В тот момент он действительно выглядел очень усталым. Наконец он ответил. "Очень хорошо. Мы попробуем по-твоему, Убийца. Если Котомине появится перед нами, мы будем сражаться - мы должны сражаться. До тех пор я буду игнорировать его." Он сел немного прямее в своем кресле. "Хорошо. Майя, сообщи мне, если тебе понадобится Убийца - другими словами, если Котомине обнаружит тебя до того, как ты будешь готова. В противном случае я полностью доверю его тебе. Ири, оставайся в замке как можно дольше и координируйся с Майей. Оборудование, информация, коммуникации... делай, что можешь".

"О!" - сказала Ирисфиль, махнув рукой в воздухе, как будто в классной комнате. "Могу я быть ее водителем на побегушках? Мы можем быть партнерами в преступлении! У нее есть мускулы, у меня есть мозги, ни одному из нас нечего терять!" Она закончила со своей рукой в форме пистолета рядом с головой и свирепым выражением на лице.

Кирицугу не ответил, но Сиренити увидела, как его щеки напряглись в том, что могло быть улыбкой. Он продолжал, как будто ничего не произошло.

"Убийца, мы сосредоточимся на обнаружении логова Берсеркера. Шанс контролировать, кому достанется дополнительное командное заклинание, слишком важен, чтобы его упускать. Пока следуйте за Сэйбер. Арчер будет лучше охотиться на Берсеркера, но, как показал сегодняшний вечер, ее все еще можно поколебать - не говоря уже о том, что Берсеркер, похоже, вряд ли сдастся Арчеру. Эль-Меллой будет лучше отслеживать Хозяина Берсеркера и находить, где они скрываются ... а также справляться с любой защитой, которую они, возможно, установили.

Я буду следить и оказывать поддержку или отвлекать, если необходимо. В противном случае я могу продолжить разведку, используя своих фамильяров.

"Нам также не хватает какой-либо информации о Заклинателях, и у нас есть лишь минимальная информация об их Хозяине. Вейвер Вельвет... в любом случае, они, похоже, пока залегли на дно и проводят кампанию преследования Эль-Меллоя и Сэйбер. Если ты видишь возможность узнать больше, Ассасин, воспользуйся ею. В остальном темп войны задается охотой на берсеркера".

Кирицугу встал из-за стола и оглядел комнату, закуривая сигарету. "Мне неудобно игнорировать Котомине... но если это рекомендация Ассасина, я готов попробовать. Ты получил свои приказы. Пока отдыхай. Утром мы начинаем наши поиски".

Сиренити поклонилась. "Да, Мастер". Маска-череп скрывала выражение облегчения на ее лице. Именно таким, именно таким ей нужен был ее Мастер.

Она просто надеялась, что он не слишком поздно сосредоточился.

Рюноскэ отпрянул от двери, и тарелка разбилась о кухонную стену. По всей комнате были разбросаны мебель и оборудование, а следы разрушений вели вплоть до входа в храм, который сейчас представляет собой выжженные и почерневшие руины, дымящиеся под дождем.

Ибараки восприняла свой проигрыш Сэйбер лучше, чем он ожидал, честно говоря.

Фиаско было не тем словом, которое Рюноске часто использовал в своей жизни, но ему всегда нравилось, как оно звучит. И теперь у него была законная причина использовать его! Итак, после разгрома на мосту Рюноскэ улизнул, как только услышал вой сирен. Он не беспокоился об Ибараки - отчасти потому, что мог слышать непрерывный поток древних японских ругательств, льющихся в его голову, а отчасти потому, что ну, что, ради Всего Святого, он должен был сделать, чтобы помочь?

Он самостоятельно проделал извилистый путь обратно в храм, пробираясь под дождем. Он проверял, не следует ли кто-нибудь за ним всю дорогу, и все равно прибыл раньше своего Слуги. Первым признаком возвращения Ибараки была волна недоброжелательной ауры, которая обрушилась на это место подобно приливной волне и заставила птиц в тревоге разлететься по своим насестам.

Вторым было небольшое дерево, брошенное в стену храма.

Это было несколько минут назад, и истерика Ибараки уже начала утихать. Рюноскэ снова просунул голову внутрь. Ибараки молча сидела за столом, перед ней лежала почти съеденная пачка моти из круглосуточного магазина.

"Эм", - начал он. "Ты в порядке?"

Ибараки бросила на него один злобный взгляд, затем фыркнула и вернулась к своим сладостям.

Попался. Дуться и искать утешения. Он мог с этим смириться. Он был довольно капризным ребенком, из-за одержимости смертью, но его матери всегда удавалось вывести его из состояния паники и снова поднять настроение. Похоже, ему здесь придется сыграть мать.

Он прошел на кухню мимо своего слуги и не обернулся, когда Ибараки издал низкое рычание.

"Я завариваю чай", - сказал он. "Я приготовлю столько, что хватит на двоих".

Ответа из-за его спины не последовало. Чайник стал трагической жертвой буйства могущественного они, но там были сковорода и кофейник, которые пережили нападение лишь с незначительными ранами и сколами. Рюноскэ зажег плиту и начал кипятить воду.

Тихое журчание воды было единственным звуком на крошечной кухне. Рюноске не пытался завязать разговор. Если Ибараки хотела поговорить, она, в конце концов, заговорит. Он был чертовски уверен, что был более терпелив, чем Слуга Безумия.

Когда чай был готов, он поставил чашку перед своей Служанкой. Она не поблагодарила его, только сверкнула одним глазом рептилии, когда он наполнял ее. Рюноскэ ответил лишь улыбкой и сел напротив нее, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза.

Чай был невкусным, но попал в точку. Ночь была долгой и холодной, и горячий напиток был именно тем, что прописал доктор.

"Сахар".

"Хм?" Рюноскэ открыл глаза. Ибараки указывала когтем на свою кружку.

"Мне нужен сахар, призыватель. Или мед, если нужно". Ибараки нахмурился. "Это способ сохранить то небольшое, что у меня есть праны, не более того!"

"Ты понял. Сейчас подойду". Он встал и начал рыться в ящиках в поисках сахара. Почему его не оставили с чаем? Глупые монахи, он был рад, что все они мертвы.

В конце концов, когда он забеспокоился, что монахи не употребляют сахар по какой-то глупой причине вроде "о, удовольствия языка - это маленький шаг от удовольствий плоти, и вместо этого нужно стремиться к удовольствиям души" (Рюноскэ не очень хорошо разбирался в синтоизме), он нашел маленький керамический горшочек, наполненный медом. Он положил чашу и ложку перед Ибараки.

"Боюсь, просто милая, но этого должно хватить".

"Ты бы заставил хозяйку этой горы приготовить себе чай? Действуй быстрее, призыватель, или то, что последует дальше, будет ужасным!"

Рюноскэ очень старался не рассмеяться. Не то чтобы он не боялся Ибараки, потому что она была могущественным демоном, а он - мягким человеком. Но она также вела себя как капризный ребенок, и что-то в этой разобщенности действительно щекотало его за живое. Ну, он был в большом стрессе.

Закончив, Ибараки схватил чашу обеими когтями и сделал большой глоток. "Приемлемо. Чай - это не то, что я бы выбрал, но это ... приемлемо".

"Я думаю, ты бы предпочел что-нибудь покрепче, да?" Сказал Рюноскэ. Он мало что знал об они, но все знали это.

"Я бы предпочел пить sake, это верно. Я бы предпочел, чтобы моя банда они была у меня за спиной, вместо того, чтобы сражаться в одиночку". Ибараки вздохнула, опустив глаза, и легкая дымка тепла вырвалась из-под ее клыков. "Я бы предпочел... быть со мной в такой ситуации моей подруге и сестре, а не жалкому человеку, который не может - не может даже приготовить

нормальный чай ..."

Ибараки выглядела такой несчастной, что Рюноскэ просто захотелось обнять ее и сказать, что все будет хорошо. Но он был примерно на пять тысяч процентов уверен, что это хороший способ потерять именно эту руку, поэтому вместо этого он сел обратно.

Это было никуда не годно. Ибараки был его тигром в человеческом обличье, его идеальным хищником, который причинял смерть, не задумываясь. Они собирались оторваться вместе и покрасить город в красный цвет ... но не в том случае, если она останется такой. Если Рюноскэ собирался повеселиться в ближайшее время, ему придется - он вздрогнул - подбодрить своего Слугу.

"Ты... хочешь поговорить об этом?" он рискнул.

Ибараки уставилась на него с выражением поражения на лице. "Что хорошего это даст, призывать? Ты не один из нас и никогда не поймешь. Если бы здесь, со мной, было тихо, мы бы смеялись, бушевали и сражались со всеми силами, выстроенными против нас, и победили их всех, и вернулись, чтобы веселиться на горе до рассвета. Вместо этого я одинок и слаб. Слишком слаб для того, что должно быть сделано".

Рюноскэ изо всех сил старался выглядеть обнадеживающим. "Я думал, ты отлично справился! Ты сражался сразу с двумя другими Слугами и все равно умудрялся отвечать ударом Сабли на удар. Ну, до самого конца, весь этот разгром с дождем стрел и тем странным серебряным шариком. Но ты будешь знать, что в следующий раз нужно остерегаться этого трюка, и она больше не застанет тебя врасплох". Или он? Это было действительно непонятно.

"Сабля не проблема", - прорычал Ибараки. "Они получают то, что им причитается, и сгорят в Пламени горы Оое. Проблема в награде, которую они упомянули". Ее лоб сморщился, складывая татуировки в странные формы.

"О,... Мне было интересно об этом. Итак, что это? Деньги?"

"Дура!" Глаза Ибараки вспыхнули. Это было страшно, но это было лучше, чем то, что она была несчастна. "Что хорошего в твоих современных деньгах для служанки? Есть только две вещи, которые мотивируют Хозяев и Слуг работать вместе - либо обещание Командного заклинания, либо монстр настолько ужасный, что войну следует приостановить", - усмехнулся Ибараки.

Рюноскэ поморщился. "Я, эм, думаю, мы привлекли немного больше внимания, чем думали, своей атакой на Копенгаген. Это, это моя вина". Черт возьми, и он так гордился своей идеей.

"Это был глупый шаг, и тебе должно быть стыдно", - огрызнулся Ибараки. "Но в данном случае я не думаю, что это была твоя вина. Даже если вы не были осторожны, я был. Я настолько уверен, насколько могу быть, что никто за нами не наблюдал, и улики не могут привести к нам. Мы не были настолько нескромны, чтобы требовать от Модератора снять с нас головы ... если только он не так беспристрастен, как кажется".

Все это становилось немного запутанным. "Так ... это было не наше нападение на Копенгаген?"

Ибараки пренебрежительно махнул рукой. "Вполне возможно, что это было оправданием. Но если бы не это, это было бы что-то другое. Если я могу предположить, у него была какая-то другая причина либо объединить других Мастеров, либо выдать Командное заклинание, либо и то, и другое. Мой вопрос в том, как они узнали об атаке?"

Рюноскэ попытался последовать за ней. "Они... не смогли? Потому что ты был сверхосторожен, верно?" В голову пришла мысль, поворот, который естественно следует за загадочным убийством. "Что означает... кто-нибудь из нас дал ему знать? Это был не я, клянусь! Не убивай меня!" Он отчаянно замахал руками.

Ибараки фыркнул и щелкнул себя пальцем по лбу. Это было похоже на удар молотка, и Рюноскэ почувствовал, как его стул откинулся назад. "Не будь глупцом, призыватель. За нами наблюдали. И поскольку я ничего не почувствовал, у меня есть только один подозреваемый".

Рюноскэ щелкнул пальцами. "Не говори мне, не говори мне... Убийца, верно?"

Ибараки мило улыбнулась. Или, по крайней мере, она показала зубы.

"Да. Какой-то мерзкий маленький шпион вмешивался в дела тех, кто лучше. И как это похоже на Убийцу - настучать Модератору и заставить всех остальных слуг делать их грязную работу".

На самом деле это было довольно умно. Рюноскэ бы точно так и сделал, если бы подумал об этом. "Подло", - сказал он. "Итак, эм, что это нам дает?"

Дикое настроение Ибараки испортилось. "Слишком слаб, как я уже сказал. С одним слугой я бы справился. С двумя я могу выжить. Но все шестеро объединились против нас? Именно альянс героев уничтожил гору Оое, и альянс героев угрожает нам сейчас. Призывая Модератора объединиться в войне против нас, мы почти наверняка обречены. Но теперь у нас есть одно преимущество".

Это было хорошо. Рюноскэ не понимал как, но если Ибараки мог видеть светлую сторону, то он не собирался спорить. "Тогда что это?"

Ибараки улыбнулась, и ее клыки блеснули. Она сжала один коготь. Чашка с чаем выпала из ее рук в виде порошка.

"Теперь они больше ничего не могут нам сделать. Мы оба осуждены за наши преступления. Нас ждет только смерть. Они считают, что мы уже нарушили правила? Они понятия не имеют, что грядет."

Рюноскэ понравилось, как это звучит. "Значит ... нам больше не нужно быть осторожными?"

"Нет!" Ибараки хлопнула ладонями по столу, и по плиткам под ней расплзлась паутина трещин. "Мы должны быть более осторожны, если не хотим потерпеть поражение. Слуги так же опасны, как и раньше, и все они будут сосредоточены на нашем поражении. Нам нужно будет выбрать наши битвы, или мы оба умрем. Но все правила, которые сдерживали нас, все, что мы делали, чтобы не привлекать внимания ... да, я думаю, они нам больше не нужны.

"Приди, призыватель. Утром они в последний раз разгромят город. И у нас есть наша первая цель. Мы перевернем этот город вверх дном, и когда мы найдем определенного ползучего, подлого, шпионящего Убийцу ..."

Ибараки захихикал - и это было настоящее хихиканье, высокое и неконтролируемое.

"Мы разорвем их на части."